

М. М. БЛОМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА и А. Н. ЛЫТКИНА в пьесе «Бедность не порок».

С юных лет я была ее поклонницей

Я с юных лет была поклонницей Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной. Она жила в семье, которая со своей исключительной простотой, трогательностью и своим коллизмом. Не буду делать перечень всех созданных ею образов, но не могу упомянуть ее матери в пьесе «Дети Ванюшина», лучшей исполнительницы я потом никогда не видела. Она до сих пор стоит у меня перед глазами. Я всегда с таким нетерпением ожидала ее появления на сцене, она заставляла и смеяться и плакать.

Мария Михайловна всегда уделяла мне свое внимание и ее похвала давала мне радость и бодрость и открывала меня на дальнейшую работу. Это редкое и дорогое качество у артистки театра — прийти и выразить или похвалу или указать недостатки. К сожалению, этим редким качеством не многие обладают.

От всей души желаю дорогой Марии Михайловне здоровья, энергии и бодрости, чтобы она долгие годы украшала нашу сцену.

Народная артистка республики
В. РЫЖОВА.

Марию Михайловну знает весь наш Союз

25 февраля у нас в театре — торжественный спектакль по случаю 50-летней артистической деятельности Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной.

Все, что есть самого лучшего и благородного в нашем искусстве — собрано в маленькой, скромной, талантливой, доброй, ласковой и простой Марии Михайловне.

Этой замечательной товарищи, прекрасная актриса, чуткий человек, большая общественница и на редкость добросовестная женщина, Марию Михайловну любят и знает не только Малый театр, на долю которого выпала честь справиться в своих стенах ее юбилей, Марию Михайловну знает весь наш Союз и правительство от мела до значения Марии Михайловны и ее заслуги перед страной, присвоив ей почетное звание Народной артистки Союза ССР.

Тяжелый, тернистый путь прошла Мария Михайловна, работая в провинции до революции. Не лавры спокойной жизни столичной актрисы, а вечные перемены, необходимость и

тревога о завтрашнем дне были всегда спутниками ее жизни. Но всегда веселая, бодрая — Мария Михайловна работала в театре, отдавая всю себя искусству. Ее всегда грезе нежно любил публика и товарищи.

Говорить о том, какое признание получила Мария Михайловна после революции и как оценило ее наше правительство и пролетарский зритель, не приходится. Мария Михайловна — одна из самых любимых актрис нашей страны.

Я не говорю сейчас об огромном количестве прекрасных ролей, которые переиграла Мария Михайловна, достаточно указать на последнюю ее роль в «Славе», чтобы понять все обаяние и всю мягкость прекрасного дарования Марии Михайловны.

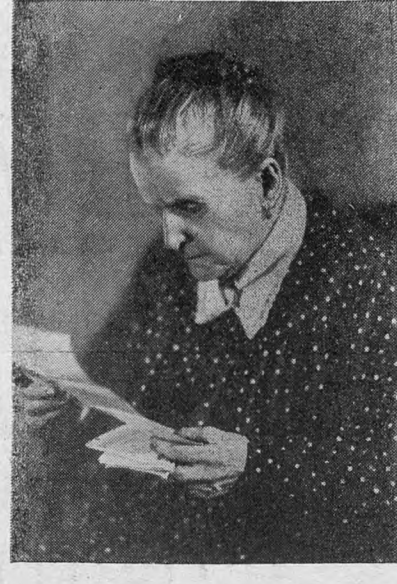
Я не могу отказать себе в огромной радости и не вспомнить, в юбилейные дни Марии Михайловны, как глубоко, коярами моя жизнь перепахана в далеком прошлом с дорогой Марией Михайловной. Она была большой подругой моей покойной матери — они всегда вместе играли, и мы, их дети,

оставаясь дома, забывались и шалили вместе. Жизнь была очень, очень тяжела, большие материальные лишения, трудное детство, но ласка и любовь наших «мам», конечно, скрашивала все. Когда пришла пора учиться, Мария Михайловна взяла меня за руку и повела в школу...

И вот теперь, через много и много лет я работаю в одном театре с Марией Михайловной и имею счастье писать о ней по дню ее юбилея.

Да живет еще много лет милая, дорогая Мария Михайловна, талантливая, нежная актриса, скромная, простая и ласковая женщина.

Все мы, работники Малого театра, должны быть 25 февраля безмерно счастливы, что наши великие дни, наша изумительная эпоха привела к нам в театр Марию Михайловну и мы справляем в наших любимых стенах юбилей талантливой и чудесной Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной.

М. М. БЛОМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА в пьесе «Слава».

ДВЕ МАТЕРИ

С Марией Михайловной Блюменталь-Тамариной связана моя молодость — первые шаги в Малом театре.

В то время в большом фаворе был театр Корша и за свои частые посещения я насмотрелась на Марию Михайловну. Не забыть «Дети Ванюшина», где Мария Михайловна в окружении исключительного ансамбля играла мать с Остужевым и Светловым.

Обаяние этой роли она донесла до Мотыльковой в «Славе», но это уже в воплощении Марии Михайловны не забытый духовно облик матери, а расправивший свои крылья, чтобы лететь вместе со своими детьми. Да и дети уже другие, свободные творцы своей революционной страны.

Главное, что характеризует Марию Михайловну, как художника — это законченность образа. Все выверено — слово, жест, движение и образ зачитывается на всю жизнь.

Говорить об общественной жизни Марии Михайловны не приходится, она у всех на виду.

Народная артистка республики
В. О. МАССАЛТИНОВА.

Передовая актриса социалистического государства

Корш и Синельников, даже сам Южин, Юный Штутгейт, Станиславский, сей, Всякий считал, что талант Ваш так нужен.

Вся наслаждался прекрасной игрой! (Заслуж, артист, реп. Б. Борисов М. М. Блюменталь-Тамариной).

С дорогой, нежно-любимой Марией Михайловной Блюменталь-Тамариной я встретился впервые в 1912 г. в театре Корша.

Театр Корша был реалистическим театром актера, имел своего довольно демократического зрителя и свой репертуар, главным образом, строил на классической драматургии, а также современных русских и западных авторов. Мария Михайловна была одной из самых ярких величин этого театра.

На протяжении многих лет мне выпало счастье видеть ее своей мамой, тетей и бабушкой в пьесах Островского, Гоголя, Толстого, а также в еврейских пьесах Горина, Шолом-Алейхема, Юшкевича и др. В те

времена пьесы Горина, Юшкевича имели большое общественное значение и на них часто самые заявляемые оптимисты проливали слезы над несчастной еврейской судьбой. Мария Михайловна играла необычайно разнообразные роли, но ее стихия — это прозрачная, чистая лирика и в этой области нет ей равных до сих пор. Но не мне писать о Марии Михайловне, как о большой актрисе, это сделают лучше меня искусствоведы, а я бы хотела немного рассказать о ней, как о товарище.

Кроме своей службы в театре, у нее почему-то всегда находились постоянные обязанности по хлопотам или для товарищей, или для театра. И она всегда хлопотала, ездила, подписывала бумаги и иногда, из-за своей доброты, попадала даже в неудобное положение.

Но та эпоха позади, а теперь Мария Михайловна — передовая актриса нашего социалистического государства и вместо матери Ванюшина блестящее исполнение роли матери рабочего, дочери трудового народа и петля одного рабочего клуба, где бы Мария Михайловна не была радостным явлением. А благодаря работам нашего дорогого правительства уж не плетется пешечком в театр, как прежде, а подсаживает на собственном автомобиле.

М. М. БЛОМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА и С. И. ФИЛИПОВ в пьесе «Бедность не порок».

Неподражаемая исполнительница пьес Островского

Творческое обаяние Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной очень велико. Ее искренний юмор, отчетливый глубокий искренностью, реалистическая сочная трактовка роли, редкостная характеристика и колоритность в раскрытии образов — она не захватит зрителя, не могут не держать его во власти этого прекрасного дарования.

Мария Михайловна поражает художественной простотой своего исполнения. Она сама права, сама живая.

Я вспоминаю Марию Михайловну у Корша, где она сыграла множество ролей и в каждой из них она ярко выделялась необычайным воздействием на зрителя. В каждой интонации голоса, в глазах, в улыбке, в каждом жесте и даже походке Марии Михайловны находил какую-то удивительно-типичную черту и делает это так искренне, что зритель сразу находит верит в образ, его создаваемый и с первого появления Марии Михайловны на сцене она приковывает к себе зрителя без остатка.

Трудно сказать, что лучше удастся Марии Михайловне: неподражаемая исполнительница пьес Островского, непревзойденная старуха Ванюшина в «Детях Ванюшина», буквально потрясающая зрительный зал живностью правдивым, реалистическим замечательным исполнением забытой, несчастной жены и матери, Мария Михайловна умеет находить для ролей советского репертуара предельную искренность, большую любовь и силой художественной простоты, своей большой творческой правдой трогает бесконечно — вот почему так возмущают и так дороги советскому зрителю созданные ею непереносимые образы — няня в «Семье Волковых», матери Гулина в «Бойцах» и старухи Мотыльковой в «Славе» — образы, которые нельзя в ее исполнении забыть.

То же самое относится к Марии Михайловне, как к актрисе кино и в этом секрет ее огромного успеха, в этом секрет горячей любви к ней зрителя.

О том, какая прекрасная Мария Михайловна общественница, какой это чуткий друг и товарищ, прекрасно знает каждый, кто с ней хотя бы изредка соприкасался, как понятно и то, что несмотря на свой солидный возраст, наша дорогая юбилярша по своей целеустремленности и жажде жизни совсем молода и полна кипучих творческих сил. И я горячо желаю дорогой, нежно любимой Марии Михайловне, еще долго радовать нас своим талантом, еще долго работать для любимой родины, еще долго быть такой же бодрой, энергичной, влюбленной в жизнь и в родной театр.

Ответственный секретарь дирекции по художественным вопросам
С. ЧЕКИНА.

Вершина сценического творчества

Марию Михайловну я очень хорошо помню с момента ее прихода в коршевский театр. Это был такой частный театр в Москве, где находило применение своим исключительным талантам все самое крупное, что давала провинция.

У Корша было замечательное чувство и умение отыскать и хорошо отысканное показать московской публике. Так, после блестящих успехов в Киселе, проиграв на сцене коршевского театра два сезона, пришел в Художественный театр Л. М. Леонидов. Так и Шаровьева, которая после блестящих выступлений у Корша ушла на сцену Александринского театра. И целый ряд других актеров.

И вот, наконец, на коршевском горизонте заблестала и Мария Михайловна — наша сегодняшняя юбилярша, Московская публика сразу отнесла Марию Михайловну.

С исключительной тщательностью, с очень большой вдумчивостью, с рядом очень тонких нюансов — она начала создавать свою галерею прекрасных образов. В частности, нельзя не отметить ее блестящего выступления в пьесах автора, которого не особенно жаловала парская цензура. Это были пьесы Семена Юшкевича, рисующие жизнь и быт, как еврейской бедноты на юге и, в частности, в Одессе, а также и быт ожиревшего и крайнего дельца рабочего клуба, где бы Мария Михайловна не была радостным явлением. А благодаря работам нашего дорогого правительства уж не плетется пешечком в театр, как прежде, а подсаживает на собственном автомобиле.

Мария Михайловна поражает художественной простотой своего исполнения. Она сама права, сама живая.

Я вспоминаю Марию Михайловну у Корша, где она сыграла множество ролей и в каждой из них она ярко выделялась необычайным воздействием на зрителя. В каждой интонации голоса, в глазах, в улыбке, в каждом жесте и даже походке Марии Михайловны находил какую-то удивительно-типичную черту и делает это так искренне, что зритель сразу находит верит в образ, его создаваемый и с первого появления Марии Михайловны на сцене она приковывает к себе зрителя без остатка.

Трудно сказать, что лучше удастся Марии Михайловне: неподражаемая исполнительница пьес Островского, непревзойденная старуха Ванюшина в «Детях Ванюшина», буквально потрясающая зрительный зал живностью правдивым, реалистическим замечательным исполнением забытой, несчастной жены и матери, Мария Михайловна умеет находить для ролей советского репертуара предельную искренность, большую любовь и силой художественной простоты, своей большой творческой правдой трогает бесконечно — вот почему так возмущают и так дороги советскому зрителю созданные ею непереносимые образы — няня в «Семье Волковых», матери Гулина в «Бойцах» и старухи Мотыльковой в «Славе» — образы, которые нельзя в ее исполнении забыть.

То же самое относится к Марии Михайловне, как к актрисе кино и в этом секрет ее огромного успеха, в этом секрет горячей любви к ней зрителя.

О том, какая прекрасная Мария Михайловна общественница, какой это чуткий друг и товарищ, прекрасно знает каждый, кто с ней хотя бы изредка соприкасался, как понятно и то, что несмотря на свой солидный возраст, наша дорогая юбилярша по своей целеустремленности и жажде жизни совсем молода и полна кипучих творческих сил. И я горячо желаю дорогой, нежно любимой Марии Михайловне, еще долго радовать нас своим талантом, еще долго работать для любимой родины, еще долго быть такой же бодрой, энергичной, влюбленной в жизнь и в родной театр.

Заслуженный артист республики
М. В. ЛЕНИН.

Марию Михайловну я очень хорошо помню с момента ее прихода в коршевский театр. Это был такой частный театр в Москве, где находило применение своим исключительным талантам все самое крупное, что давала провинция.

У Корша было замечательное чувство и умение отыскать и хорошо отысканное показать московской публике. Так, после блестящих успехов в Киселе, проиграв на сцене коршевского театра два сезона, пришел в Художественный театр Л. М. Леонидов. Так и Шаровьева, которая после блестящих выступлений у Корша ушла на сцену Александринского театра. И целый ряд других актеров.

И вот, наконец, на коршевском горизонте заблестала и Мария Михайловна — наша сегодняшняя юбилярша, Московская публика сразу отнесла Марию Михайловну.

С исключительной тщательностью, с очень большой вдумчивостью, с рядом очень тонких нюансов — она начала создавать свою галерею прекрасных образов. В частности, нельзя не отметить ее блестящего выступления в пьесах автора, которого не особенно жаловала парская цензура. Это были пьесы Семена Юшкевича, рисующие жизнь и быт, как еврейской бедноты на юге и, в частности, в Одессе, а также и быт ожиревшего и крайнего дельца рабочего клуба, где бы Мария Михайловна не была радостным явлением. А благодаря работам нашего дорогого правительства уж не плетется пешечком в театр, как прежде, а подсаживает на собственном автомобиле.

Мария Михайловна поражает художественной простотой своего исполнения. Она сама права, сама живая.

Я вспоминаю Марию Михайловну у Корша, где она сыграла множество ролей и в каждой из них она ярко выделялась необычайным воздействием на зрителя. В каждой интонации голоса, в глазах, в улыбке, в каждом жесте и даже походке Марии Михайловны находил какую-то удивительно-типичную черту и делает это так искренне, что зритель сразу находит верит в образ, его создаваемый и с первого появления Марии Михайловны на сцене она приковывает к себе зрителя без остатка.

Трудно сказать, что лучше удастся Марии Михайловне: неподражаемая исполнительница пьес Островского, непревзойденная старуха Ванюшина в «Детях Ванюшина», буквально потрясающая зрительный зал живностью правдивым, реалистическим замечательным исполнением забытой, несчастной жены и матери, Мария Михайловна умеет находить для ролей советского репертуара предельную искренность, большую любовь и силой художественной простоты, своей большой творческой правдой трогает бесконечно — вот почему так возмущают и так дороги советскому зрителю созданные ею непереносимые образы — няня в «Семье Волковых», матери Гулина в «Бойцах» и старухи Мотыльковой в «Славе» — образы, которые нельзя в ее исполнении забыть.

То же самое относится к Марии Михайловне, как к актрисе кино и в этом секрет ее огромного успеха, в этом секрет горячей любви к ней зрителя.

О том, какая прекрасная Мария Михайловна общественница, какой это чуткий друг и товарищ, прекрасно знает каждый, кто с ней хотя бы изредка соприкасался, как понятно и то, что несмотря на свой солидный возраст, наша дорогая юбилярша по своей целеустремленности и жажде жизни совсем молода и полна кипучих творческих сил. И я горячо желаю дорогой, нежно любимой Марии Михайловне, еще долго радовать нас своим талантом, еще долго работать для любимой родины, еще долго быть такой же бодрой, энергичной, влюбленной в жизнь и в родной театр.

Заслуженный артист республики
М. В. ЛЕНИН.

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Нынче над ролями работают. За письменным столом, с карандашом, с «спотектоном». Я так не умею, и это плохо, должно-быть. Но что делать... — пятьдесят лет назад, когда я начинала играть, нас не учили кропотливо над ролью. Тогда и слов таких не было. Роль выучивали, а потом играли. Только и всего. Вот и у меня осталась привычка на всю жизнь. Когда я получаю роль, скажу у окна и начинаю ее учить наизусть. С тех пор, как я перешла в этот новый дом, мне стало как-то приятнее работать.

А по двору всегда бегают дети. Это — жизнь. Я оторочиваюсь и еще старательнее переучиваю роль.

Среди ночи я просыпаюсь и обязательно повторяю роль. В комнате темне и тихо, и от этого виднее, что значат слова. Так получается образ.

Отец у меня был крепостной, семья патриархальная. У них царь — так это уж царь, городской — тоже персона, а театр — публичный дом. В юности мне и в голову не приходило, что я могу стать актрисой, хотя театр любилась с первой минуты, как только туда попала.

После окончания гимназии я стала экзамен на аттестат зрелости, получила звание домашней учительницы и два года давала уроки. Я с молодости знала — работать можно только хорошо. Поэтому, раз я стала задвигать себя на учительницу — начала ходить на разные педагогические вечера, да лекции. У меня была подруга, учительница Аксенова, она работала вхо-

М. М. Блюменталь-Тамариная

сте с Верой Фитнер. И вот под влиянием Аксеновой я стала как-то прогрессировать, замечать, что жизнь устроена неправильно.

Но революционной я не могла стать. К этому мне нужно было прийти через мою работу. Мне всегда хотелось создавать что-то осмысленное, а народнолюбивое окружение, в котором я находилась, было больше занято романтической разрушения. Мне это чуждо.

После смерти моих родителей я вышла замуж за актера Александринского театра Блюменталь-Тамариная. Стала сама мечтать о сцене. И муж игодовал играть. И вот пришел к нам из Москвы Александр Павлович Ленский. Замечательный мастер и еще более замечательный учитель. Сидим мы с ним за самоварчиком, а я говорю:

— Хочу быть актрисой. Поймите меня, Александр Павлович.

Он рассердился.

— Женщина, — говорит, — должна быть женой и матерью. А в актрисе идут от несчастной жизни, если ничего другого не вышло. Как в монастырь.

Но поверила я ему, а пришлось поступиться. Скоро у меня родился дорогой ребенок, и о сцене пришлось забыть.

В 26 лет мне пришлось расстаться с мужем. Дети остались, конечно, у меня. Необходимо было работать.

Очень хотелось на сцену, но я боялась. Казалось, что поздно (в старину роль начинали в пятнадцать, шестнадцать лет), что не сумею, что не хороша собой... Я уже совсем собралась поступить в провинцию в кондитерскую, и вдруг встретился актер Александринского театра А. А. Алексеев: — Ни-ка-ки. Милая, в театр, я с тобой позанимаюсь.

Сидим мы с ним в комнате в восточном «Чу» имеем — не храним, потерявши — плачем» и ведем через два дня приходиться читать.

Пришла домой, читаю свою первую роль, а сама боюсь. Мне почему-то всегда казалось, что я должна быть комедийной актрисой, а эта роль была хотя и комедийная, но с драматизмом, и было очень трудно с ней справиться.

Эта боязнь драматических ролей у меня осталась на всю жизнь. Тогда это еще не осознано было, а потом я поняла: человек, который по-настоящему страдает, старается этого не показывать, а сцена требует демонстрации чувств. Это как-то противоречит моему ощущению правды. Мне кажется, что хорошие драматические актеры никогда по-настоящему не страдают в жизни, если даже она у них и несчастливо складывается.

Первую свою роль я с замешательством прошла Алексееву. Ему понравилось, и он дал мне другую в восточном «Соль супрематства». Это была «смешная» роль, которую мне давно хотелось сыграть. Тогда я прочла ее Алексееву, он сказал:

— Милая, а ведь ты актриса!

И повел меня определять в Литературно-художественный кружок. Это был полулюбительский театр. Там начинали играть такие актеры, как К. С. Станиславский, Артем, Федотов (сын Г. Н. Федотовой) и др. В этом театре я сыграла свою ампулу.

Сначала я играла больше эпизодно в водевилях. Но однажды заболела актриса, игравшая Настасью Пикратовну в пьесе Островского «В уюном приютом». Роль предложили мне. Я согласилась. На спектакль пришел известный актер Малого театра Михаил Прохоров Савицкий. В антракте пришел ко мне в уборную и сказал:

— Очень хорошо сыграли. Не отбывайтесь от ролей старух. Это ваш путь.

Трудно описать, как я была обрадована этими словами. Мне всегда казалось, что для молодых ролей у меня нет данных. Молодая актриса должна быть эффектная, красивая, а я маленькая, незаметная... Простая добросовестность мешала играть молодую.

А тут с помощью Савицкого я нашла свое ампулу. Вскоре я поступила в театр Ленского на жалованье 60 рублей. В то время это было для меня огромным достижением. Ленский держал театр «Скопорох» в доме актинерного общества «Россия», что на Сретенском бульваре.

Театр был не из изрядных. Публика развешана не полагалась. Студенты и прасолы сидели в шубах, шел густой пар от дыхания, а я порхала в водевилях (играла тогда и молодую и старуху) и чувствовала себя на вершине Парнаса. Молодость, театр, работа... В первый раз я почувствовала себя по-настоящему счастливой в «Скопорох». И самое радостное ощущение — это чувство зрителя, я говорю, а он реагирует. Это как музыкальное сопровождение для певца, как

весна для соловья. Это чувство созвучности с зрителем, такое острое вначале, стало у меня постепенно исчезать и появлялось с новой, еще большей силой в 17 году на спектакле для рабочих, и с тех пор не покидал меня.

После сезона у Ленского я подписала контракт в Тифлисе на ампулу вторых старух. На аванс накупила на Сухарева самых чудных старушечьих платьев, и началась суровая жизнь провинциальной актрисы.

Тифлис, Владимир, Одесса, Вильна, Киев, Овелья, Ростов-на-Дону... В течение двенадцати лет я без устали кочевала по всем этим городам.

В 1901 году Синельников перетащил меня в Москву в театр Корша, где я проработала до 1915 года. С 1915 по 1922 г. — в театре Суходольского, потом опять у Корша и, наконец, в 1932 г. — в Малом театре.

Работать в столице после провинции было легче — репертуар более постоянный, но зато и требования, предъявляемые к актеру, куда серьезнее.

Я переиграла за свою жизнь сотни ролей и всегда старалась, чтобы они были разные. Больше всего мне в этом помогла моя наблюдательность. Я, как в копилку прятала в себя впечатления от каждой встреченной старухи, специально бродила по церквам, торчала у ограды, на перепутьях, и смотрела на выходящих, старухи. Как они держат голову, как берут веши, улыбаются, — все это можно было только подметить, нарочно ведь не выслушаешь.

В Москве я подружилась с незабвенной актрисой Юлией Васильевной Васильевой. Эта дружба имела для меня большое значение. До тех пор я была настолько погружена в свою работу, что просто не замечала, что происходит вокруг меня. Юлия Васильевна

как-то воспитала во мне дух возмущения нашим строем. События 1905 года... Я не знала, не умела быть полезной в то время. Я актриса... Было только чувство возмущения, горечь неудовлетворенности и... надо было работать. И, стараясь ни о чем не думать, я снова целиком отдавалась театру. А не думать было трудно. Во все эти прелезные и военные годы из зрительного зала таяно какой-то страшной скукой, суровым напряжением людей, не находящихся пути, так что сердце не выдерживало. У людей появилось какое-то особенное беспокойство и равнодушие. И я это особенно остро чувствовала именно как актриса, через насмотренные зрители.

Когда грянула Октябрьская революция, в первые же дни нас повели играть какой-то спектакль на факсиску за Краснопресненскую заставу, какетская на «Прохоровку». И вот, после спектакля (сцена была неустраиваемая, актеры выходили через зрительный зал), кака-то старуха поклонилась нам и просто сказала:

— Спасибо.

Ничего удивительного в этом случае для того времени не было, а меня он потряс. Я как-то почувствовала, что по-настоящему нужна, что я полезный человек. Появилось чувство профессиональной гордости. Не такое, как раньше из-за хорошо сыгранной роли, а какой-то актерский патриотизм.

Началась жизнь без отдыха, а я молодая.

Эти семнадцать лет и для меня прошли в огромной работе. Стать старше это значит одрахать, а я молодая с каждым годом. Усталость... я могу устать от ходьбы по магазинам, от от больших прогулок пешком, но если у меня днем репетиция, вечером спектакль, а после него концерт — я не чувствую себя утомленной.

В 1934 году я подала заявление в ятекий Малого театра с просьбой принять меня в число сочувствующих ВКП(б). Это давнишняя мечта. Почему я и не сделала этого раньше — вот естественный вопрос каждого, кто знает мою работу за эти семнадцать лет. И я могу откровенно ответить: меня останавливал возраст, недостаточная грамотность, политическая, то, что я не смогу быть полезным членом партии, кула, мол, уж... Но, испытывая все время огромное удовлетворение от работы, я с каждым годом чувствовала все больший прилив сил и бодрости. Теперь я могу, как студентка, «прятать гранит науки» на кружках лектурной политики, и общественной работой заниматься, и производственной. И в промежутках позволяю себе на солнце, на реку, на каждый самолет, пролетающий над головой, на каждый новый дом, встреченный по пути. И странно вспомнить, что двадцать лет назад, когда я играла у Корша, после спектакля мне хотелось только одного — свалиться, отдохнуть и ни о чем не думать.

У меня есть большой недостаток. Я не умею делиться опытом, учить. Я сама неученая и прихожу к своим образам таким глубоко субъективным, полудомнослезательным путем, что его трудно сформулировать. И наставительность, необходимая педагогам, мне не свойственна. Но, когда я вижу молодое, мне хочется бесконечно повторять:

— Любите свое дело и будьте дисциплинированными. Только точной, как механизм, работой можно добиться прочного успеха, и только любимая работа делает счастливым человека. Все остальное проходит.

В 1934 году я подала заявление в ятекий Малого театра с просьбой принять меня в число сочувствующих ВКП(б). Это давнишняя мечта. Почему я и не сделала этого раньше — вот естественный вопрос каждого, кто знает мою работу за эти семнадцать лет. И я могу откровенно ответить: меня останавливал возраст, недостаточная грамотность, политическая, то, что я не смогу быть полезным членом партии, кула, мол, уж... Но, испытывая все время огромное удовлетворение от работы, я с каждым годом чувствовала все больший прилив сил и бодрости. Теперь я могу, как студентка, «прятать гранит науки» на кружках лектурной политики, и общественной работой заниматься, и производственной. И в промежутках позволяю себе на солнце, на реку, на каждый самолет, пролетающий над головой, на каждый новый дом, встреченный по пути. И странно вспомнить, что двадцать лет назад, когда я играла у Корша, после спектакля мне хотелось только одного — свалиться, отдохнуть и ни о чем не думать.

У меня есть большой недостаток. Я не умею делиться опытом, учить. Я сама неученая и прихожу к своим образам таким глубоко субъективным, полудомнослезательным путем, что его трудно сформулировать. И наставительность, необходимая педагогам, мне не свойственна. Но, когда я вижу молодое, мне хочется бесконечно повторять:

— Любите свое дело и будьте дисциплинированными. Только точной, как механизм, работой можно добиться прочного успеха, и только любимая работа делает счастливым человека. Все остальное проходит.

В 1934 году я подала заявление в ятекий Малого театра с просьбой принять меня в число сочувствующих ВКП(б). Это давнишняя мечта. Почему я и не сделала этого раньше — вот естественный вопрос каждого, кто знает мою работу за эти семнадцать лет. И я могу откровенно ответить: меня останавливал возраст, недостаточная грамотность, политическая, то, что я не смогу быть полезным членом партии, кула, мол, уж... Но, испытывая все время огромное удовлетворение от работы, я с каждым годом чувствовала все больший прилив сил и бодрости. Теперь я могу, как студентка, «прятать гранит науки» на кружках лектурной политики, и общественной работой заниматься, и производственной. И в промежутках позволяю себе на солнце, на реку, на каждый самолет, пролетающий над головой, на каждый новый дом, встреченный по пути. И странно вспомнить, что двадцать лет назад, когда я играла у Корша, после спектакля мне хотелось только одного — свалиться, отдохнуть и ни о чем не думать.

У меня есть большой недостаток. Я не умею делиться опытом, учить. Я сама неученая и прихожу к своим образам таким глубоко субъективным, полудомнослезательным путем, что его трудно сформулировать. И наставительность, необходимая педагогам, мне не свойственна. Но, когда я вижу молодое, мне хочется бесконечно повторять:

— Любите свое дело и будьте дисциплинированными. Только точной, как механизм, работой можно добиться прочного успеха, и только любимая работа делает счастливым человека. Все остальное проходит.

В 1934 году я подала заявление в ятекий Малого театра с просьбой принять меня в число сочувствующих ВКП(б). Это давнишняя мечта. Почему я и не сделала этого раньше — вот естественный вопрос каждого, кто знает мою работу за эти семнадцать лет. И я могу откровенно ответить: меня останавливал возраст, недостаточная грамотность, политическая, то, что я не смогу быть полезным членом партии, кула, мол, уж... Но, испытывая все время огромное удовлетворение от работы, я с каждым годом чувствовала все больший прилив сил и бодрости. Теперь я могу, как студентка, «прятать гранит науки» на кружках лектурной политики, и общественной работой заниматься, и производственной. И в промежутках позволяю себе на солнце, на реку, на каждый самолет, пролетающий над головой, на каждый новый дом, встреченный по пути. И странно вспомнить, что двадцать лет назад, когда я играла у Корша, после спектакля мне хотелось только одного — свалиться, отдохнуть и ни о чем не думать.

У меня есть большой недостаток. Я не умею делиться опытом, учить. Я сама неученая и прихожу к своим образам таким глубоко субъективным, полудомнослезательным путем, что его трудно сформулировать. И наставительность, необходимая педагогам, мне не свойственна. Но, когда я вижу молодое, мне хочется бесконечно повторять:

— Любите свое дело и будьте дисциплинированными. Только точной, как механизм, работой можно добиться прочного успеха, и только любимая работа делает счастливым человека. Все остальное проходит.

В 1934 году я подала заявление в ятекий Малого театра с просьбой принять меня в число сочувствующих ВКП(б). Это давнишняя мечта. Почему я и не сделала этого раньше — вот естественный вопрос каждого, кто знает мою работу за эти семнадцать лет. И я могу откровенно ответить: меня останавливал возраст, недостаточная грамотность, политическая, то, что я не смогу быть полезным членом партии, кула, мол, уж... Но, испытывая все время огромное удовлетворение от работы, я с каждым годом чувствовала все больший прилив сил и бодрости. Теперь я могу, как студентка, «прятать гранит науки» на кружках лектурной политики, и общественной работой заниматься, и производственной. И в промежутках позволяю себе на солнце, на реку, на каждый самолет, пролетающий над головой, на каждый новый дом, встреченный по пути. И странно вспомнить, что двадцать лет назад, когда я играла у Корша, после спектакля мне хотелось только одного — свалиться, отдохнуть и ни о чем не думать.

У меня есть большой недостаток. Я не умею делиться опытом, учить. Я сама неученая и прихожу к своим образам таким глубоко субъективным, полудомнослезательным путем, что его трудно сформулировать. И наставительность, необходимая педагогам, мне не свойственна. Но, когда я вижу молодое, мне хочется бесконечно повторять:

— Любите свое дело и будьте дисциплинированными. Только точной, как механизм, работой можно добиться прочного успеха, и только любимая работа делает счастливым человека. Все остальное проходит.

М. М. БЛОМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА и арт. ЦЫГАНОВ в пьесе «Слава».